

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

PRIVATE LEGAL (CIVIL) SCIENCES

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.13, 347.441

Дата поступления: 03.09.2023
рецензирования: 11.10.2023
принятия: 20.11.2023

Юрий С. Поваров

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Подтверждение оспоримой сделки как способ ее исцеления

Аннотация: в статье представлен комплексный анализ предписаний абзаца 4 пункта 2 статьи 166 ГК РФ, образующих нормативное ядро института т. н. подтверждения оспоримых сделок (известного многим зарубежным правовым порядкам и востребованного в актах международной частноправовой унификации); реабилитационный механизм одобрения дефектной сделки ее участником (имеющий широкую область приложения) исследуется прежде всего под углом зрения сущности, условий и способов изъявления воли на сохранение силы оспоримой сделки, а равно порождаемых актом подтверждения правовых эффектов. Методологическую основу исследования составили общетеоретические (формальной и диалектической логики) и частнонаучные (юридико-догматический, сравнительно-правовой, толкования правовых норм и пр.) методы. В итоге автор, в частности, не исключает возможного сужения сферы использования конструкта с точки зрения круга оснований оспоримости; ставит под сомнение априорное исключение из числа субъектов подтверждения третьих лиц; в целом позитивно оценивает «либерализм» законодателя при решении вопроса о способах выражения воли на сохранение силы порочной сделки; раскрывает смысл ретроактивности «исцеляющего» подтверждения (непорождение новой сделки); указывает на неприемлемость квалификации в качестве акта надлежащего подтверждения заявления о сохранении силы сделки на измененных условиях.

Ключевые слова: оспоримая и ничтожная сделка; подтверждение сделки; воля на сохранение силы сделки; право на оспаривание сделки; словесная форма сделки; конклюдентное поведение; согласие на совершение сделки.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Поваров, Юрий С. 2023. “Подтверждение оспоримой сделки как способ ее исцеления”. *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 18 (4): 7–15. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-4-7-15>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

© Юрий С. Поваров, 2023

Юрий Сергеевич Поваров, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: povus@mail.ru

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 03.09.2023
Revised: 11.10.2023
Accepted: 20.11.2023

Iurii S. Povarov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Confirmation of a voidable transaction as a way to healing it

Abstract: the article presents a comprehensive analysis of the requirements of art. 166 (paragraph 4 part 2) of the Civil Code of the Russian Federation, forming the normative core of the institution of voidable transactions confirmation (known to many foreign legal systems and required in acts of international private law unification); the rehabilitation mechanism for approving a defective transaction by its participant (which has a wide scope of application) is studied, first of all, from the point of view of the essence, conditions and methods of expressing the will to maintain the force of a contested transaction, as well as the legal effects generated by the act of confirmation. The methodological basis of the study was made up of general theoretical (formal and dialectical logic) and specific scientific (legal-dogmatic, comparative legal, interpretation of legal norms, etc.) methods. As a result, the author, in particular, does not exclude a possible narrowing of the scope of use of the construct from the point of view of the range of grounds for contestability; questions the a priori exclusion of third parties from the number of subjects of confirmation; in general, he has a positive assessment of the «liberalism» of the legislator when deciding on ways to express the will to maintain the force of a fatal deal; reveals the meaning of the retroactivity of the «healing» confirmation (non-generation of a new transaction); indicates the unacceptability of qualification as an act of proper confirmation of the statement about the preservation of the validity of the transaction on the changed terms.

Key words: voidable and void transaction; confirmation of the transaction; the will to maintain the validity of the transaction; the right to challenge the transaction; verbal form of the transaction; conclusive behavior; consent to the transaction.

Conflict of interest: the author declared no conflict of interest.

Citation: Povarov, Iurii S. 2023. “Confirmation of a voidable transaction as a way to heal it”. *Juridicheskiy analiticheskiy zhurnal Juridical Analytical Journal* 18 (4): 7–15. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-4-7-15>.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Iurii S. Povarov, 2023

Iurii S. Povarov, Candidate of law, associate professor, associate professor of the Department of civil and business law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: povus@mail.ru

Введение

Ожидаемой новеллой отечественного гражданского законодательства, которая рельефно «...отражает тенденцию расширения основной оздоровления оспоримых сделок [здесь и далее курсив в цитатах наш. – Ю. П.]...» (Богданова 2016), стала норма абзаца 4 пункта 2 статьи 166 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹, в соответствии с которой поведение стороны, демонстрирующее волю на сохранение силы сделки, лишает эту сторону права оспаривать сделку по причинам, о которых она знала или должна была знать при проявлении указанной воли. Тем самым прямое или косвенное подтверждение оспоримой сделки приводит ее к относительному исцелению² (имеет место своего рода сознательное

¹ Обсуждаемые изменения были внесены в Кодекс Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ.

² Такое словупотребление – в приложении и к оспоримым, и к ничтожным сделкам – является достаточно популярным. Однако мыслима и иная догматическая интерпретация – например, по мнению М.В. Смирновой, собственно об исцелении рационально говорит

«затушевывание» контрагентом сделочного дефекта, наличие которого – при неизъявлении намерения сохранить потенцию сделки – могло бы служить поводом для «перевода» акта в разряд недействительных по решению суда).

В приведенном законоположении, как известно, нашла свое воплощение здравая рекомендация Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) насчет целесообразности устранения лакуны касавшей возможности и условий последующего подтверждения (одобрения) оспоримых сделок как универсального механизма, препятствующего их инвалидации по требованию недобросовестных лиц (см. пункт 5.1.4 раздела II). Между тем тезис о допустимости

исключительно в отношении ничтожных сделок, когда последним придается юридическая сила (при подтверждении же оспоримой сделки просто утрачивается право на ее оспаривание) (Смирнова 2015, 59).

реабилитации оспоримого юридического акта посредством его одобрения (признания и т. п.) далеко не нов: в частности, он активно отстаивался некоторыми отечественными дореволюционными цивилистами (К.Н. Анненковым, Ю.С. Гамбаровым, Е.В. Васьковским и др.), а проект Гражданского уложения Российской империи включал указание о том, что «сделки, действительность коих может быть оспорена... могут быть *подтверждены* лицом, которое вправе было их оспорить» (Тужилова-Орданская и Лукьяненко 2019, 527); наконец, конструкт подтверждения оспоримых сделок «... хорошо известен как континентальным право-порядкам [причем на их регламентационный опыт во многом и полагались отечественные авторы. – Ю. П.], так и актам международной частноправовой унификации» (Короткова 2018, 274). Обращение к иностранным и международным источникам уместно и полезно в плане всестороннего изучения института подтверждения недействительных сделок (тем более что отдельные аспекты по-прежнему «туманны» и (или) полемичны), а равно с точки зрения выявления направлений его дальнейшего совершенствования (в том числе в ракурсе сопряжения со смежными правовыми конструкциями).

1. Зарубежный опыт регулирования отношений в области подтверждения оспоримых сделок (краткая справка)

Концепт подтверждения оспоримых сделок с целью их «исправления» получил законодательную прописку в актах гражданско-правовой кодификации целого ряда европейских стран (Германии, Италии, Франции и пр.). Повышенный интерес (прежде всего с учетом близости подходов к регулированию гражданских отношений, в том числе по поводу недействительности сделок) представляет Германское Гражданское уложение 1896 г. (далее – ГГУ), содержащее отдельный блок правил о подтверждении оспоримой сделки (см. § 144). Немецкий законодатель исходит из того, что, во-первых, *при подтверждении* оспоримой сделки тем, кто имел право ее оспаривать, *оспаривание не допускается*, и, во-вторых, надлежащее *подтверждение не нуждается в соблюдении формы, установленной для самой сделки* (т.е. способ подтверждения не зависит от способа изъявления воли на совершение сделки). Данные положения в целом вполне созвучны правилам, закрепленным в абзаце 4 пункта 2 статьи 166 ГК РФ (хотя говорить об их полной «конгруэнтности» все-таки не приходится).

Как уже отмечалось, институт подтверждения (*confirmation*) оказался востребованным в актах наднациональной частноправовой унификации, к примеру, в Модельных правилах европейского частного права 2009 г. (см. статью II.-7:211), причем:

а) он, как и по российскому законодательству, подлежит «употреблению» в случаях *оспаривания* актов (о чем мы еще будем говорить подробнее далее);

б) буквально речь идет о *подтверждении действительности сделки* (ГК РФ закрепляет правило об изъявлении воли на *сохранение силы сделки*, что очень сходно по смыслу), благодаря чему «оспаривание... не допускается» (российский законодатель поступает почти идентично, упоминая о том, что «сторона... не вправе оспаривать сделку»);

в) подтверждение может быть *и прямым, и косвенным* (аналогичный вывод зримо вытекает и из предписаний абзаца 4 пункта 2 статьи 166 ГК РФ);

г) надлежащим субъектом подтверждения выступает *сторона, обладающая правом оспорить акт* (что, опять же, отчетливо следует и из текста российского гражданско-правового кодификационного акта).

Как видим, приведенные положения конструктивно и содержательно весьма близки представленным в абзаце 4 пункта 2 статьи 166 ГК РФ нормативным указаниям.

Возможность для «обиженной» *стороны подтверждения договора* (и вновь – *прямо или в подразумеваемом виде*), кроме того, четко провозглашается в статье 3.12 Принципов международных коммерческих договоров (Принципов УНИДРУА) 1994 г. и статье 4:114 Принципов европейского договорного права 1995–2003 гг. В названных актах (в «традиционном» для отечественных источников переводе на русский язык), правда, буквально речь ведется о «ветировании» подтверждением не собственно признания акта недействительным, а *отказа от договора* (в документах указывается, что при подтверждении «отказ от договора не допускается»). Но это, пожалуй, не должно нас сильно смущать, имея в виду актуальность задействия конструкции подтверждения сделки в разрезе приемлемого недопущения прекращения договорной правовой связи (безотносительно к способу такого прекращения!); сверх того, верность перевода («отказ от договора», а не его «оспаривание»), получившего «хождение» в России, порою подвергается сомнению (так, на взгляд В.А. Коротковой, «из...

толкования ст. 3.12 [помещенной в гл. 3 Принципов УНИДРУА “*Действительность*”, что само по себе символично. – Ю. П.] следует, что она касается отказа от права на оспаривание посредством подтверждения оспоримой сделки, а не отказа от права на односторонний отказ путем подтверждения действия договора» (Короткова 2018, 307)³.

Итак, зафиксированные в абзаце 4 пункта 2 статьи 166 ГК РФ правила «симфоничны» приведенным выше положениям о подтверждении дефектных сделок (хотя российский законодатель к термину «подтверждение сделки» не прибегает); значительное сходство, среди прочего, наблюдается при решении важного вопроса о сфере их приложения, к исследованию которого мы и переходим.

2. Сфера применения института подтверждения дефектных сделок

Разбираемый конструкт, решающий задачу, фигурально выражаясь, «сделкосбережения» (Ровный 2019, 61), приурочен к случаям оспоримости сделок, что, невзирая на отсутствие в ГК РФ соответствующих оговорок, недвусмысленно *выводимо из нормативного текста* при его истолковании, причем как буквальном (в частности, в абзаце 4 пункта 2 статьи 166 ГК РФ закрепляется невозможность именно *оспаривать* сделку, что органично в отношении оспоримых, а не ничтожных сделок), так и системном (обсуждаемая норма расположена в пункте 2 статьи 166 ГК РФ, посвященном сугубо оспоримым сделкам, и т. д.); не удивительно, что данное утверждение получило практически всеобщую поддержку в науке ((Останина 2013, 43; Тузов 2018, 388) и др.), а равно в судебной практике (см. пункт 72 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Стоит иметь в виду, что *ограничения в части перечня оснований оспоримости законодатель не устанавливает*. Такой подход, наверное, связан с тем, что исцелительный «...эффект, – как небеспочвенно рассуждает Д.О. Тузов, – не вступает в противоречие с идеей оспоримости..., а потому не имеет исклю-

³ Но немало ученых, напротив, исходит из манифестации в п. 3.12 Принципов УНИДРУА лишения стороны – в силу подтверждения ею договора – именно права на односторонний *отказ* от соглашения ((Цветков 2011) и пр.), заостряя при этом внимание на близость данного постулирования нормам пункта 5 статьи 450.1 ГК РФ (Демкина 2015, 62–63).

чительного характера; исцеление оспоримости ... возможно всегда...» (Тузов 2018, 388–389). Впрочем, памятуя о неисчерпывающем (незамкнутом) характере списка оснований оспоримости сделок в ГК РФ и о правомерности заявления иска об инвалидации сделки в предусмотренных законом случаях иными, нежели стороны, лицами, отвергать с ходу целесообразность установления в будущем законодательного запрета на использование института подтверждения для «исправления» оспоримой сделки с определенным дефектом не следует.

Прямое или косвенное признание участником силы сделки, конечно, в реальности может иметь место и при ничтожности. Вместе с тем *подтверждение* ничтожной сделки *не способно* (по крайней мере, по текущему законодательству) *конвалидировать* абсолютно порочный юридический акт (являющийся недействительным изначально и независимо от судебной идентификации). Примечательна и «поучительна» в этом измерении позиция германского законодателя: четко допуская возможность подтверждения *недействительной* сделки (*наряду* с подтверждением *оспоримой* сделки), ГГУ определяет, что подтверждение в этом случае надлежит рассматривать как «*совершение сделки вновь*» (см. § 141); тем самым, по словам Л. Эннексеруса, «ничтожная сделка не может быть исправлена, но в лучшем случае – заключена *заново*» (Эннексерус 1950, 328).

Другое дело, что *усеченный «оздоровительный» эффект* может вызываться подтверждением сделки и при ее ничтожности. Так, в силу пункта 5 статьи 166 ГК РФ (распространяющего свое действие и на оспоримые, и на ничтожные сделки⁴) в ситуации, когда поведение ссылающегося на недействительность сделки лица давало основание другим субъектам полагаться на действительность сделки (а подтверждение сделки очевидно соответствует данным пове-

⁴ С этим выводом, поддержанным Верховным Судом РФ, соглашается большинство авторов. Впрочем, в науке высказываются и другие, причем полярные, мнения: так, И.И. Багаутдинов, солидаризируясь с М.А. Егоровой в части того, что «...принцип эстоппель может быть применен ... в отношении *оспоримых* договоров», полагает, что распространение пункта 5 статьи 166 ГК РФ на ничтожные сделки «...входит в прямое противоречие с пунктом 1 статьи 166 ГК РФ...» (а это, в свою очередь, будет знаменовать «...нарушение ... принципа законности») (Багаутдинов 2017, 83–84); наоборот, В.А. Гончарова аргументирует тезис о принципиальной неприменимости пункта 5 статьи 166 ГК РФ «...к ситуации оспоримой сделки, поскольку содержит указание на «полагание действительности» другими субъектами...», а потому пункт 5 статьи 166 ГК РФ (в отличие, кстати, от абзаца 4 пункта 2 статьи 166 ГК РФ) затрагивает не иначе как *ничтожные* сделки (Гончарова 2018, 23).

денческим признакам), *заявление* этого лица о *недействительности сделки не имеет правового значения* (хотя собственно право на заявление в суд требований о признании сделки недействительной и (или) о применении последствий недействительности не исчезает; при этом вопрос о (не)рациональности означенного подхода, в том числе в плоскости разрешения дискуссионной проблемы адекватного сопряжения предписаний абзаца 4 пункта 2 и пункта 5 статьи 166 ГК РФ, остается открытым и нуждается в глубоком научном осмыслении).

3. Субъекты и условия надлежащего подтверждения оспоримых сделок

Субъектом подтверждения дефектной сделки ГК РФ объявляет ее *сторону* (что, кстати, является одним из значимых формальных доводов в пользу размежевания конструкций подтверждения оспоримой сделки и согласия третьего лица на совершение сделки (см. статью 157.1 ГК РФ)).

Между тем в круг потенциальных заявителей требований об инвалидации оспоримых сделок входят, согласно абзацу 1 пункта 2 статьи 166 ГК РФ, сторона сделки или *указанное в законе лицо* (сообразно сказанному, правомочие оспаривать сделку эвентуально может принадлежать только иным, нежели стороны, субъектам). Оправданно ли такое сужение субъектного состава (выведение из числа акторов, «способных» – благодаря своему внешне «благожелательному» к сделке поведению – исцелить ее, третьих лиц)? В срезе закреплённой в абзаце 4 пункта 2 статьи 166 ГК РФ обязанности проявления воли *сохранить силу сделки*, в самом деле, без натяжек и допущений к надлежащим субъектам разбираемого подтверждения могут быть отнесены лишь непосредственные участники сделки; однако в прикладном плане *априорное исключение* из набора названных субъектов *третьих лиц применительно ко всем вариациям оспоримости сделок вызывает* некоторые сомнения (показательно, что немецкий и французский законодатель рассмотренное рестриктивное положение не устанавливает (Короткова 2018, 274–275), в частности, в § 144 ГГУ упоминается о подтверждении сделки «... тем, кто имел право ее оспаривать»).

«Уничтожение» возможности конкретного лица оспаривать сделку по определенному основанию детерминируется одновременным наличием двух обстоятельств (как образно и пра-

вильно констатирует А.А. Иванов, «в... норме как бы спарены два условия» (Иванов 2020, 37):

(1) *поведением* стороны сделки, из которого можно усмотреть *волю на сохранение силы сделки* (уверены, что распознаваемость такого желания должна быть достаточно ясной);

(2) *осведомленностью* об основании оспаривания (сторона знает или должна была знать об этом основании), причем *на момент проявления* указанной воли (отсюда, объективация факта информированности в той или иной форме имеет серьезное практическое значение). И грамматическое, и смысловое толкование законоположений, убеждены, приводят к выводу о том, что подразумевается воля на сохранение силы сделки, проявляемая *на момент подтверждения* (см. пункт 72 ППВС № 25), а не на «изначальное» совершение сделки (об этом обоснованно пишут очень многие авторы ((Тузов 2018, 389) и др.); но данную логичную мысль можно было выразить, конечно, и более внятно (ее редакционное воплощение в ГК РФ вызывает справедливую критику в литературе (Короткова 2018, 277–278)).

Итак, одного лишь одобрительного поведения для реабилитации сделки недостаточно; поэтому, скажем, подтвердив сделку, несмотря на возможность оспаривания по одному известному основанию, сторона не теряет право обратиться с требованием об инвалидации подтвержденного акта по другим мотивам, о которых она не знала и не должна была знать.

Равным образом, понимание порочности сделки без выражения воли на ее сохранение не может стать поводом для отпадения права на оспаривание. «Если сторона знала...», – пишет на данный счет А.А. Иванов, – но потом сразу захотела сделку оспорить, то пожалуйста...» (Иванов 2020, 37).

Особо отметим, что в логике процитированного автора (с нашей точки зрения – небесспорной) «...не всегда одновременное применение двух условий справедливо, а вот в каких случаях – неясно» (Иванов 2020, 37). Интересным в этой связи является сопоставление анализируемых положений с требованиями пункта 3 статьи 173.1 ГК РФ, где «...используется лишь одно условие – знание ... о порочности. Последующее поведение дающего согласие, – размышляет А.А. Иванов, – не учитывается: дал, и готово. Почему? Чем знание о недействительности при даче согласия *третьим лицом* отличается от знания *стороны* сделки? Тем, что сделка порождает последствия для ее участников и потому им дают время подумать? Довольно слабый аргумент...» (Иванов 2020, 39).

Однако подлинная причина приведенных «разночтений» заключается, как представляется, вовсе не в разнице подходов к решению однотипных казусов: просто в пункте 3 статьи 173.1 ГК РФ речь идет о знании о дефекте сделки в момент выражения согласия на ее совершение, а дача такого согласия является единственно возможным (и необходимым для действительности сделки) «форматом» реагирования не участвующего в сделке субъекта по поводу легитимного совершения ее сторонними лицами.

4. Способы (форма) проявления воли на сохранение силы оспоримой сделки. Проблема сделочной интерпретации акта подтверждения

Намерение субъекта сохранить силу ранее совершенной им сделки должно являться, как гласит закон, из его поведения. Формы подобной активности в ГК РФ не раскрываются, в русле чего общепринятой резонно стала трактовка, исходя из которой:

во-первых, *между формой подтверждаемой сделки и формой самого подтверждения нет никакой зависимости* (это кажется логичным, ибо целеполагание института подтверждения сделки носит «самобытный» характер; напомним, что ГГУ в § 144 установка касательно означенной иррелевантности получила прямую поддержку);

во-вторых, подтверждение сделки может быть *и явно выраженным* в словесной (устной либо письменной) форме, *и конклюдентным* (посредством полного или частичного исполнения условий сделки, предъявления к контрагенту требования, вытекающего из оспоримой сделки, дальнейшего распоряжения предметом этой сделки и т. д.); не является «камнем раздора» и тезис о неправомерности квалификации одного лишь молчания в качестве согласия на сохранение силы сделки.

Так, Е.Е. Богданова справедливо подчеркивает, что «...исполнение оспоримой сделки может быть признано выражением воли..., но не является единственным проявлением воли...», поскольку, к примеру, «...устное или письменное подтверждение ... в отношениях с третьими лицами также может говорить о проявлении воли...» (Богданова 2016); Е.А. Останина небеспричинно считает, что в условиях отсутствия требований к форме подтверждения как односторонней сделки «...подтвердить сделку можно и конклюдентными действиями, в том числе частичным исполнением...» (Останина

2013, 42). Из этого посыла исходит гражданское законодательство Германии и Франции (Короткова 2018, 274–275) (хотя, скажем, статья 1444 ГК Италии рассматривает в качестве «достойного» подтверждения оспоримого договора только его добросовестное исполнение (Богданова 2016)).

В хозяйственной практике «действия по подтверждению ... чаще всего являются конклюдентными...» (Тузов 2018, 389), но речевое подтверждение с точки зрения обеспечения определенности отношений, естественно, предпочтительнее.

Таким образом, подход законодателя к способам изъявления воли на сохранение силы оспоримой сделки является весьма либеральным (к слову, формальная «простота» присуща и многим иным актам одобрения – исключительно в конклюдентном поведении, в частности, может выразиться одобрение совершенной неуполномоченным лицом сделки в соответствии с пунктом 2 статьи 183 ГК РФ), что отторжения не вызывает; тем не менее проблема определения критериев эффективной оценки действий для целей применения абзаца 4 пункта 2 статьи 166 ГК РФ с научной повестки дня не снимается.

Изученная проблематика имеет выход на сложный и многогранный вопрос о догматической (не)приемлемости сделочной трактовки подтверждения. Положительный ответ (подтверждение есть односторонняя сделка), как известно, получил достаточно широкое распространение в научном мире ((Тузов 2018, 389; Останина 2013, 42; Короткова 2018, 276) и др.). В пользу сделочной интерпретации, в частности, свидетельствуют обязательность проявления в поведении стороны «особой» воли (на сохранение силы сделки), а также возможность признания факта совершения сделки через выявление одного лишь конклюдентного поведения (см. пункт 2 статьи 158 ГК РФ).

Однако восприятие акта подтверждения в качестве сделки (пускай, и вспомогательной) *сравнительно бесспорно только в отношении «чистых» волеизъявлений* (т. е. прямых заявлений стороны о желании сохранить потенцию сделки, невзирая на наличие права оспаривания). Труднее обстоят дела с оценкой конклюдентного поведения, особенно исполнения сделки, учитывая, что воля на сохранение силы сделки здесь играет явно *второстепенную* роль (и, помимо прочего, обоснованность сделочной квалификации действий по исполнению – всех или некоторых – многими учеными не без оснований

отвергается); отчасти такое положение вещей напоминает сложности с трактовкой юридико-фактической природы действий по фактическому принятию наследства (консенсус на данный счет, как известно, в доктрине не достигнут).

5. Правовой эффект подтверждения оспоримой сделки: сущность, ретроактивность

Исследуемая активность участника сделки, как постулируется российским законодательством, приводит к тому, что он «...не вправе оспаривать сделку...»; соответственно, при ином поведении стороны возможность оспаривания сделки сохраняется. В этом контексте рассмотрение подтверждения оспоримой сделки в качестве *поведения, «символизирующего» отказ от правомочия оспаривать сделку и (или) влекущего его прекращение* (так, В.А. Короткова квалифицирует подтверждение как одностороннюю сделку по отказу от права на оспаривание (Короткова 2018, 276); на взгляд Д.О. Тузова, при подтверждении сделки имеет место «...отпадение... права на ее дальнейшее оспаривание, погашение этого права» (Тузов 2018, 388); цивилистическая доктрина Германии и Франции также в основном придерживается трактовки подтверждения сделки как отказа от права на ее оспаривание (Короткова 2018, 274 и 276)), кажется довольно гармоничным.

При любом раскладе здесь *неприемлемо заявлять о «превращении» оспоримой сделки в действительную* (причем это суждение в полной мере «обнимается» приведенной выше интерпретацией), ведь:

а) не признанная судом недействительной оспоримая сделка считается *действительной* (а потому означенная «метаморфоза» алогична);

б) даже при надлежащем подтверждении *вариант инвалидации сделки априорно не блокируется* (это обуславливается тем, что заявить требование о признании сделки недействительной, как мы помним, гипотетически может субъект ее подтверждения, но по «новому» – латентному на момент подтверждения – основанию; кроме того, в некоторых ситуациях оспоримости закон вообще может наделять правом на оспаривание сделки третьих лиц); поэтому уместно, вслед за Д.О. Тузовым, утверждать об *относительности правового эффекта подтверждения* (последнее нивелирует «...конкретный порок сделки, о котором сторона знала..., что не всегда может означать ... исцеление сделки *в целом*, ибо не исключено наличие в ней ... скрытых пороков») (Тузов 2018, 389).

Российский законодатель не заостряет внимания на темпоральном аспекте «влияния» акта подтверждения на оспоримую сделку. Несмотря на это, заключение о «действии» подтверждения *ex tunc*, коррелирующее, в числе прочего, с сутью оспоримой сделки как действительной до момента ее инвалидации в юрисдикционном порядке, особых возражений не вызывает (не случайно ГК РФ говорит о *сохранении силы* сделки, а не о ее «перезаключении» и т. п.). Ретроактивный эффект, кстати, мы наблюдаем и при одобрении псевдопредставляемым сделки, совершенной неуполномоченным лицом (см. пункт 2 статьи 183 ГК РФ); правда, в этой нетривиальной ситуации субъекты одобрения и непосредственного совершения сделки не совпадают, вследствие чего вопрос о перспективном или, напротив, ретроспективном действии согласительного волеизъявления играет ключевую роль.

Заключение

Тезису об обратной силе анализируемого акта подтверждения (в том числе в свете того, что сам по себе он не приводит к пересмотру ключевых параметров (субъектный состав и пр.) и контента ранее совершенной сделки, без преобразовательного решения суда оспоримая сделка воспринимается как действительная и подлежащая исполнению) свойственна некоторая *условность*: главный смысл тут кроется в том, что *подтверждение не порождает новой сделки* (ибо сохраняет силу уже совершенная), при том, что возможность оспаривания относительно «исцеленного» (благодаря подтверждению) акта соответствующим лицом и по соответствующему основанию аннулируется.

Любопытен момент *(не)допустимости изъявления воли на сохранение силы сделки, но на измененных условиях*. Понятно, что подобное поведение *не может быть верифицировано в качестве подтверждения* в смысле предписаний абзаца 4 пункта 2 статьи 166 ГК РФ. Думается, нет весомых резонов и для специального закрепления обозначенного умозрительного «сценария» в законе, так как изменение не признанного судом недействительным оспоримого договора не исключается⁵, но, разумеется,

⁵ Данное заключение не умаляется и выработанной в судебной практике правовой позицией, в соответствии с которой изменение и расторжение легитимны лишь в отношении договора, являющегося *действительным* (отсюда, договор, признанный недействительным, не способен к изменению или расторжению, – см. определение Верховного Суда РФ от 25 июня 2013 г. № 18-КГ13-42), поскольку в нашей ситуации речь ведется об *оспоримости* сделки, недействительность которой, повторимся, сопряжена с вынесением соответствующего конститутивного судебного «вердикта».

«в стандарте» корректировка договорных условий должна происходить по соглашению сторон (а не по воле одного из участников).

Библиография

Багаутдинов, Ильдар И. 2017. “Правило эстоппель как вид исцеления сделки с пороком ее формы”. *Право и государство: теория и практика* 4: 82–85. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29851509>, <https://elibrary.ru/zdggjp>.

Богданова, Елена Е. 2016. “Новеллы гражданского законодательства о недействительности сделок с позиции добросовестности”. *Законы России: опыт, анализ, практика* 8: 80–86. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27170693>, <https://elibrary.ru/wwozin>.

Гончарова, Валерия А. 2018. “Добросовестность как условие защиты участников недействительной сделки”. *Юридическая наука и практика* 14–3: 22–26. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36424493>, <https://elibrary.ru/ynrfch>.

Демкина, Алеся В. 2015. “Порядок и пределы реализации права на отказ от договора или от осуществления прав по договору: новые правила ГК РФ”. *Имущественные отношения в Российской Федерации* 11: 57–65. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24834294>, <https://elibrary.ru/uxlrfn>.

Иванов, Антон А. 2020. “Незыблемость договора (pacta sunt servanda) и его недействительность”. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации* 12: 31–43. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44432156>, <https://elibrary.ru/wujhga>.

Короткова, В.А. 2018. *Эстоппель в гражданском праве». Опыт цивилистического исследования: сборник статей*. Отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. Вып. 2. Москва: Статут. [file:///C:/Users/User04/Desktop/Op_tsiv_issled_v2_blok%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/User04/Desktop/Op_tsiv_issled_v2_blok%20(1).pdf).

Останина, Елена А. 2013. “Эстоппель и подтверждение сделки”. *Вестник ВАС РФ* 11: 38–45. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20411111>, <https://elibrary.ru/rerbnh>.

Ровный, Валерий В. 2019. “Тезисы о передаче вещи (продолжение). О недействительности сделки-передачи”. *Сибирский юридический вестник* 4: 59–66. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41744767>, <https://elibrary.ru/saovil>.

Смирнова, Марина В. 2015. “Исцеление недействительности формы сделки в российском и германском гражданском праве”. *Бизнес в законе* 6: 58–64. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25257356>, <https://elibrary.ru/vgsjnr>.

Тужилова-Орданская, Елена М., Владимир Е. Лукьяненко. 2019. “Конвалидация недействительных сделок в российском праве”. *Вестник Пермского университета. Юридические науки* 45: 519–539. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41141964>, <https://elibrary.ru/pentrl>.

Тузov, Даниил О. 2018. “Комментарий к п. 2 ст. 166 ГК РФ. Сделки, представительство, исковая давность”. *Постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации*. Отв. ред. А.Г. Каранетов. Москва: М-Логос. https://m-lawbooks.ru/product/book_1.

Цветков, Игорь В. 2011. “Российское договорное право в современной системе экономических координат”. *Коммерческое право: актуальные проблемы и перспективы развития: сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Бориса Ивановича Пугинского*. Москва: Статут. <https://istina.msu.ru/publications/article/3327869>.

Эннексерус, Людвиг. 1950. *Курс германского гражданского права: перевод с 13-го немецкого изд. Т. 1. Полуптом 2. Введение и общая часть*. Москва: Изд-во иностранной литературы.

References

Bagautdinov, Ildar I. 2017. “The rule of estoppel as a type of healing of a transaction with a defect in its form”. *Law and State: Theory and Practice* 4: 82–85. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29851509>, <https://elibrary.ru/zdggjp>. (In Russian)

Bogdanova, Elena E. 2016. “News in civil legislation on the invalidity of transactions from the position of good faith”. *Laws of Russia: experience, analysis, practice* 8: 80–86. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27170693>, <https://elibrary.ru/wwozin>. (In Russian)

Goncharova, Valeria A. 2018. “Good faith as a condition for the protection of participants in an invalid transaction”. *Legal Science and Practice* 14–3: 22–26. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36424493>, <https://elibrary.ru/ynrfch>. (In Russian)

Demkina, Alesya V. 2015. “The procedure and limits for exercising the right to refuse a contract or to exercise rights under a contract: new rules of the Civil Code of the Russian Federation”. *Property relations in the Russian Federation* 11: 57–65. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24834294>, <https://elibrary.ru/uxlrfn>. (In Russian)

Ivanov, Anton A. 2020. “The inviolability of the contract (pacta sunt servanda) and its invalidity”. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation* 12: 31–43. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44432156>, <https://elibrary.ru/wujhga>. (In Russian)

Korotkova, V.A. 2018. *Estoppel in civil law. In: Experiments in civilistic research: collection of articles. Rep. ed. A.M. Shirvindt, N.B. Shcherbakov. Vol. 2. Moscow: Statute. file:///C:/Users/User04/Desktop/Op_tsiv_issled_v2_blok%20(1).pdf*. (In Russian)

Ostanina, Elena A. 2013. “Estoppel and confirmation of the transaction”. *Vestnik VAS RF* 11: 38–45. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20411111>, <https://elibrary.ru/rerbnh>. (In Russian)

Rovny, Valery V. 2019. “Theses on the transfer of things (continued). On the invalidity of the transfer transaction”. *Siberian Legal Bulletin* 4: 59–66. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41744767>, <https://elibrary.ru/saovil>. (In Russian)

Smirnova, Marina V. 2015. “Healing the invalidity of the transaction form in Russian and German civil law”. *Business in Law* 6: 58–64. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25257356>, <https://elibrary.ru/vgsgjnr>. (In Russian)

Tuzhilova-Ordanskaya, Elena M., Vladimir E. Lukyanenko. 2019. “Convalidation of invalid transactions in Russian law”. *Bulletin of Perm University. Legal Sciences* 45: 519–539. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41141964>, <https://elibrary.ru/pentrl>. (In Russian)

Tuzov, Daniil O. 2018. “Commentary to paragraph 2 of Art. 166 of the Civil Code of the Russian Federation”. In: *Transactions, representation, limitation period. Article-by-article commentary to articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation*. Rep. ed. A.G. Karapetov. Moscow: M-Logos. https://m-lawbooks.ru/product/book_1. (In Russian)

Tsvetkov, Igor V. 2011. “Russian contract law in the modern system of economic coordinates”. In: *Commercial law: current problems and development prospects: a collection of articles for the anniversary of Doctor of Law, Professor Boris Ivanovich Puginsky*. Moscow: Statut. <https://istina.msu.ru/publications/article/3327869>. (In Russian)

Ennekzerus, Ludwig. 1950. *Course of German civil law: translation from the 13th German edition. Vol. 1. Semi-volume 2. Introduction and general part*. Moscow: Foreign Literature Publishing House. (In Russian)